

Не в настроении я был выслушивать сказки о трудном детстве. Слыхали-с. В мой кабинет впихнули маленького человечка, возрастного, несурзаного, с глубокой печатью зоны во всём обличье. Такие с малолетки за колючкой и на свободе подолгу не гуляют. Но какие-то отчаянные у него глаза. Вора поймали в офисе. В обеденный перерыв проник в кабинет—и к сумочке, но залезть не успел. А третьего дня у работницы... и тоже в обеденный перерыв. На лице неудачника свежие ссадины. Его уже немного поучили... Огромные отчаянные глаза. Что будет? Сдадут ментам или побьют и отпустят? Может, побьют, не сильно. В зону не хочется, а пожать бы... Мне тоже вроде всё ясно, но ментов вызывать неохота. С ними больше мороки, писанины. Залезть в сумочку вор не успел, а намерения к делу не пришьёшь. Опера знакомые сами горазды грузить трудностями службы, недостатками материальной базы и непониманием начальства. Я, в раздумьях, что делать, демонстрирую возможность решить тему и по понятиям:— А погоняло у тебя есть?

— Да... С-святой.

Святой?! Этот заморыш?! За какие заслуги? Шапка уж явно не по Сеньке. Я лично знаю о добрых делах очень большого «авторитета», но кличка у него гораздо скромнее. Я, к сожалению, лично осведомлён о множестве мерзких дел, сотворённых теми, кто по долгу службы должен «охранять и защищать», но называть их приходится по имени-отчеству. Глаза не могли меня не выдать. Заморыш вдруг почуял надежду и, заикаясь, продолжил:— А раньше другая была. Я тогда в далёкой зоне, ещё при коммунистах. Срок заканчивался... Послабления давали почти отбывшим... Днём свобода: выходить мог из зоны, гулять по посёлку без конвоя, а вечером опять в хату. Меня экз один попросил—из культурных, в очках, который антисоветчик или кто. Ну, бумажки какие-то надо из зоны вынести и вольному передать. Я сам их посмотрел—вроде там ничего такого, ну, ничего не понял, в общем. Прилепил к пузу пачку. Утром на выходе не обшмонали. Короче, вынес и отдал, как этот просил. Мне за это... А в камере вечером сам всё и рассказал. Надо мной долго ржали: ты идиот или святой? Ты же себе чуть срок не вынес! Так и приклеилась—Святой, а до этого другая была.

Кем был тот очкарик? Какая рукопись не сгорела? А ведь мог Святой и стукануть, заслужить поблажку. Кто это «управил так»? Есть одна народная заповедь: не настучи. Сколько крови и слёз за ней? Кто познал? Поймёт ли тот, кто не стоял перед выбором? Где учат? И всенепременно «этого ещё будет».

Я попросил охрану выйти... Никто бы меня не понял. Как поверить в какую-то байку и дать вору денег? А я просто откупился. Потом попросил выпроводить и больше не учить; сказал, что он всё понял. Хотя Святой ничего не понял и только тарачил на меня глаза. Возможно, несколько дней он был сыт. Надеюсь, что разжал ненадолго клещи жестокой его судьбы. Ходит ли он ещё по земле?

Избави меня судить. Но, может, на каких-то иных весах зачтётся ему? Перевесят ли спасённые листки уворованный хлеб? Может, эта миссия—оправдание его бытия?

Пусть Святой спас чей-то труд не из любви к ближнему, но он сделал! Из ненависти к системе, вопреки жизни своей, от которой не видел добра и не имеет надежды его (добра) ожидать, но он сделал это! Это его протест! Его собственное решение—маленький подвиг загнанного человека: он рисковал, он не настучал!

Сибирь не тот край, где «светло от лампад», который просил указать поэт. «Где поют, а не стонут»—точно не здесь. Но каково думать, что в наших суровых зонах поэты, писатели или философы зрели, «как ананасы в оранжерее»... если по почкам не настучат? Где лежали бы бумаги, смысл которых не понял Святой, окажись они у зоновского начальства? Может, существуют такие места, где что-то ещё пылится?

Уважаемые господа, допускающие к архивам карательным служб—ГУЛАГА, ГУИНА, МГБ, КГБ, ГУФСИНА и прочая,—осмотритесь! Среди старого хлама забытых и сломанных судеб вдруг найдёте рукописи, запрещённые тогда файлы, имеющие ценность для потомков, невинно сидевших или для всех нас? Когда человек унижен и уничтожен, у него остаётся только слово—слово, устремлённое в счастливое, непременно справедливое будущее. Не должно сгореть или пропасть такое слово. Пусть вернётся оно в мир и сделает его лучше. Уважьте его—и воздастся вам. Всё

равно — потешите открытием тщеславие своё или просто получите сердечную благодарность людей, которая несравнимо дороже прочих благ. На полках, в пыли и прахе, ждут открытия запретные, написанные заключёнными, и отобранные у них литературные или философские шедевры. Среди строк могут найтись завещанные нам ордера на

всеобщее счастье, мысли о бесконечности, звёздах и других материях, озарившие людей, посланные в награду за страдания и личную катастрофу.

Да откроются миру все светлые идеи, да явится нам вождевленное справедливое завтра!

Надо же — Святой! Глаза... Вспоминаю иногда... Нет, не могу забыть.